

Г.А. Акулич*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
О КОНСТИТУЦИИ 1936 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ)**

На основе материалов советской печати регионального уровня, посвященных празднованию Дня Конституции 1936 г., в статье анализируется свойственный советскому идеологическому дискурсу механизм наделения идентичностями и создания социальных иерархий. Используя в качестве метода исследования дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муффа, автор определяет основные значения Конституции, какими они предстают в материалах газеты «Красное знамя» в период с 1937 по 1952 гг., и создает периодизацию советского идеологического дискурса, выявляя для каждого периода репертуар идентичностей, позиционируемых в контексте нарратива о Конституции.

Ключевые слова: Конституция 1936 г., дискурс, идеология, идентичность, «Красное знамя»

Constructing the identities in the Soviet ideological discourse on the 1936 Constitution: the case of regional press. GLEB A. AKULICH (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Based on the materials of the regional Soviet press, dedicated to the celebration of the 1936 Constitution Day, the article analyzes how identities were constructed and social hierarchies were created in the Soviet ideological discourse. Using the discourse analysis of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe as a research method, the author determines the key meanings of the Constitution, as they appear in the materials of «Krasnoye znamya» from 1937 to 1952, creates a periodization of the Soviet ideological discourse and identifies a repertoire of identities positioned in the context of the narrative about the Constitution for each period.

Keywords: 1936 Constitution of the Soviet Union, discourse, ideology, identity, «Krasnoye znamya»

Введение

Сталинский период на данный момент является одним из самых проблематичных в исто-

рии России. Несмотря на обилие документов, именно данный период становится камнем преткновения в оценках многих поколений и

* АКУЛИЧ Глеб Александрович, старший лаборант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: akulich.gleb@hotmail.com

© Акулич Г.А., 2023

** Данный текст подготовлен автором по результатам работы в рамках практикума по источниковедению магистерской программы «Региональные исторические исследования» (раздел «Дискурс-анализ материалов периодической печати», преподаватель – к.и.н., доцент К.С. Еременко).

политических групп. Современная политизация истории влияет на саму историческую дисциплину. Советская идеология сталинского периода как предмет исследований становится жертвой «бесшовных генерализаций» [8, с. 322–325], без возможности ее альтернативно осмысления, несмотря на фундаментальную работу историков с источниками и историографией.

Объектом исследования в данной статье является советская идеология. Для того, чтобы прояснить, как механизм идеологии работал в СССР на региональном уровне, мы воспользуемся дискурс-анализом, который поможет анализировать идеологию как сложную систему создания смыслов и взаимодействия с субъектами с помощью категории «идентичность». Цель исследования – выявить механизм наделения идентичностями и создания социальных иерархий в советском идеологическом дискурсе о Конституции 1936 г. Источниковую базу исследования составляют материалы газеты «Красное знамя», опубликованные в выпусках, посвященных Дню Конституции, в период с 1937 по 1956 гг. Газета «Красное знамя» была официальным изданием Приморского крайкома ВКП(б) и транслировала дискурс советской идеологии. В данном случае материалы региональной периодической печати помогают выявить особенности работы идеологии в условиях территориального разнообразия. Основным методом исследования является дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф. Прежде чем перейти к анализу, следует очертить наше понимание таких категорий, как «идеология», «дискурс», «артикуляция», «идентичность», «субъект» и «праздник».

В данном исследовании мы, вслед за Г.И. Мухоминым, интерпретируем идеологию как «символический порядок, согласно которому индивиды носят некоторые “маски”, группирующие людей как случайных носителей определенных мандатов в пределах политической системы» [21, с. 37]. Такое понимание идеологии можно назвать реалистично конструктивистским. Идеология интерпретирует мир, который есть, как мир, который должен быть [21, с. 37]. Реальный мир меняется под влиянием воображаемых представлений о его «правильном» устройстве. Таким способом устанавливается взаимосвязь между воображаемым миром, основанным на представлениях о социальных отношениях, и миром материальным. Идеология должна об-

ладать набором неопровержимых и неоспоримых понятий, которые сопрягаются с комплексом более подвижных и пластичных элементов. Советская идеология соответствует данному пониманию [3]. Она интерпретировалась как теоретический фундамент, способный предоставить ответы на большинство социально-политических вопросов, а также претендовала на изменение мирового устройства в соответствии с идеалами, которые были прописаны в трудах классиков марксизма-ленинизма.

5 декабря, день принятия Конституции 1936 г., до 1977 г. был государственным праздником в СССР. Мы рассматриваем государственные праздники как наиболее продуктивные для аналитики моменты обострения идеологической ситуации, в которых актуализируются заданные политические и идеологические смыслы. Советские методички по организации праздников видели цель такого рода мероприятий «в утверждении идей Советской власти, общественных отношений новой жизни» [4, с. 31]. Праздник был моментом соединения всей широты социальных когорт, существующих в СССР (парработники, рабочие, интеллигенция и т.д.) [22, с. 10], а также утверждал «мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы» [4, с. 39]. День Конституции немецкий историк и советолог М. Рольф классифицирует как праздник «второго порядка» [22, с. 141], однако отечественный исследователь С.Н. Шаповалов на основе регионального материала Кубани показывает обратное и описывает его как первоочередной с точки зрения идеологии [24, с. 81].

Теоретическим инструментом в нашем исследовании служит дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф [1]. Теорию дискурса часто определяют как постструктуралистскую из-за вводимых ею в эпистемологию социальных наук аксиом. По мысли Лакло и Муфф, социальный мир является результатом создания значений в дискурсе. Дискурс понимается как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области [7, с. 56]. Причем изменения этих фиксированных значений находятся в дискурсивном регистре. Дискурсы не могут быть вечными: они изменяются, формируются за счет столкновения с другими дискурсами и базируются на неустойчивой структуре языка. Дискурс, в нашем случае, является более широким понятием по отношению к идеологии, которая предполагает строгий символический

порядок. Таким образом, идеология использует дискурсивное поле для утверждения символического порядка, установленного ее авторами. В дальнейшем мы будем использовать словосочетание «советский идеологический дискурс» для обозначения идеологических утверждений в дискурсивном разрезе.

Мельчайшим элементом в теории дискурса является артикуляция [7, с. 56], которая устанавливает отношения между субъектами и дискурсом. В самом дискурсе существуют узловые точки – привилегированные знаки: вокруг них образуется дискурс, а другие элементы получают «правильные» значения. Элементы – это полисемантические знаки, значения которых еще не закреплены [7, с. 59]. С помощью правильного расположения знаков в отношении друг друга происходит фиксация нужных значений, тем самым исключаются альтернативные формы организации дискурса. Главенствующий дискурс с помощью присвоения нужных значений узловым точкам и элементам закрепляет конфигурацию отношений и делает социальный мир таким, каким хочет видеть его автор дискурса. Основной узловой точкой советского дискурса является не столько Конституция как факт (означающее), но ее символическое означающее. В идеологическом дискурсе присутствует несколько значений Конституции, которые образуются в процессе артикуляции посредством установления связи с иными элементами – идентичностями (рабочий, трудящийся), персонифицированным образом (Сталин), верой в успех коммунистического проекта и т.д.

По мнению Э. Лакло и Ш. Муфф, разные дискурсы борются между собой за овладение социальным миром. Но что происходит, когда в политическом пространстве существует только один дискурс, как в случае с советской идеологией? Идеология для нас представляет набор устойчивых утверждений, которые дискурсивно закрепляют в реальности нужные значения для решения задач власти. Для создания нужного социального мира используются политические инструменты, однако без поддержания дискурсивного порядка власть не сможет актуализировать саму себя. Решением данной проблемы в рамках теории Э. Лакло и Ш. Муфф является концепт представительства [7, с. 87–88]. Представительство означает возможность поручения другому актору (депутату, партии, национальному лидеру) представлять свои интересы. В случае советской системы данные

права делегированы Сталину, правительству и партии. Право дискурсивного представительства было в одностороннем порядке получено советской партийной номенклатурой после устранения политических оппонентов в конце 1920-х гг. Ввиду необходимости управления и адаптации идеологии под различные вызовы (геополитические, внутривнутриполитические, экономические и т.д.) советский дискурс власти формирует нужные ему идентичности в условиях отсутствия политической борьбы. Таким образом, дискурсивное поле в условиях однопартийности обладает схожими свойствами и механизмами осуществления власти, как и в условиях иных политических систем.

Дискурс работает в области политического поля, т.к. используется для формирования социального мира, предопределенного идеологией. Такое понимание дает возможность увидеть процесс появления и воспроизводства идей в политическом пространстве. Политика становится не формой борьбы марксистских антагонистических классов или других социальных констант, но результатом политико-дискурсивного конструирования [20, с. 72–73]. Первичными становятся сами артикуляции, т.е. установления отношений, а не эссенциалистские структуры и конфликты между ними. Через дискурсы субъекты помещают себя и других в воображаемые структуры, обретая тем самым идентичности [6, с. 189]. Идентичность – это идентификация человека с определенной субъектной позицией в структуре дискурса. Исходя из заданных значений, мы можем обнаружить различные группы идентифицирующих себя субъектов, которые с помощью социальных практик выводят идентичность из дискурсивного пространства в поле практического действия [19]. Именно механизм формирования идентичностей оказывается ключевым во всем идеологическом механизме.

Вслед за Лакло и Муфф, мы придерживаемся теории непостоянного субъекта как основного актора властных отношений. В постоянном стремлении к обретению целостности субъект определяет себя через противопоставление чему-то [7, с. 82–83]. Например, рабочий класс артикулирован властью через противостояние с буржуазией. С помощью позитивной саморепрезентации идеологический дискурс формирует «своих», с помощью негативной презентации – «чужих» [21, с. 61]. Идентичность является концептом, который определяет со-

вокупность субъектов, разделяющих схожую саморепрезентацию, и помогает нам свести сложную систему к определенному порядку, который можно схематично представить следующим образом: «идеология – советский политический дискурс – идеологические аппараты – идентичности – субъект».

Базовая проблема исследований дискурса заключается в отсутствии инструментария для выявления мнений и реакций слушателей. В центре внимания находится властный дискурс, который не всегда полностью отображает коммуникативный акт. Идеологические механизмы воздействуют сверху вниз. Несомненно, для получения хоть какого-то эффекта данные механизмы должны соответствовать ментальным моделям субъектов, на которых они призваны воздействовать, иначе произойдет социально-политический конфликт.

Значения Конституции

Перед тем как охарактеризовать основные значения Конституции, следует заранее обозначить фундаментальное место образа И.В. Сталина в советском дискурсе. Он выступает как создатель Конституции, соответственно, все благоприятные смыслы вокруг Дня Конституции возвышают его как источник успеха. В статьях «Красного знамени» Конституция нередко описывается как «воплощение сталинской мудрости» [9]. Принадлежность Конституции актуализируется в основном с помощью прилагательного «сталинская». Его использование основывается на представлении о том, что Сталин осознал нужды советского народа, закрепил достигнутые благоприятные условия Конституцией и в ответ на это народ «назвал ее Сталинской» [9]. Изображение Сталина появляется в День Конституции на первой странице газеты «Красное знамя» ежегодно вплоть до 1952 г. включительно. Вождь предстает как патриархальный и мудрый глава государства. Таким образом, в советском дискурсе Конституция интерпретируется как завоевание народа и выражение воли Сталина, который характеризуется как «учитель заботы о человеке» [9].

Попытаемся определить основные значения Конституции, какими они предстают в материалах газеты в период с 1937 по 1952 гг. Первым значением Конституции является нормативно-правовое: в рамках этого значения Конституция предстает как «акт», «документ» и «хартия». Данное значение реализуется в таких

пояснительных выражениях, как «величайший документ нашей эпохи», «основной закон нашего социалистического общества», «золотая книга» и т.д. Увеличение частоты употребления слов, ассоциирующихся с данным значением, будет говорить о формализации праздника и/или самой Конституции. Существуют отдельные примеры передачи данного значения с помощью художественных оборотов речи, например, когда Конституцию называют «сокровищницей великих прав и обязанностей советского гражданина» [10]. В каждом отдельном случае создание образа Конституции сопровождается упоминанием законодательного закрепления определенных прав – на отдых, труд, образование, национальное равноправие и т.д. В номере за 1937 г. государственный строй Советского Союза декларируется как «социалистический демократизм», который закрепляет «широкие возможности для участия в управлении государством» [9], а сталинская Конституция оказывается таким образом наиболее демократичной в ее де-юре формате.

Второе значение, которым наделяется Конституция, приравнивает ее к определенной стадии развития советского государства, этапу «грандиозного строительства коммунистического общества» [10]. С помощью этого значения характеризуется находящееся между прошлым и будущим закономерное настоящее – «результат огромных завоеваний социализма», в котором закрепляются достижения прошлой борьбы и открываются «великие возможности будущего» [10]. Конституция предстает как окончательное решение вопросов несправедливости прошлого, в частности – как факт «уничтожения эксплуатации человека» [10]. Она «установила всемирно-исторический факт о том, что СССР вступил в новую полосу развития» [10]. Мы можем отметить, что Конституция занимает в такого рода высказываниях вспомогательное место. Таким образом, отсылка к темпоральному измерению позволяет регламентировать представления о прошлом, настоящем и будущем, что является важной чертой всей советской идеологии.

В третьем значении Конституция манифестируется как средоточие метафизической энергии. Конституция обладает характером мировой универсалии и служит «основой жизни и счастья трудящихся» [10]. Художественный образ превращает материальный документ в трансцендентную ценность. Показательно, что в

выпуске за 1938 г. происходит отождествление Конституции с солнцем [10]. Во время Великой Отечественной войны используется следующая формулировка: «сила побед возвращена Конституцией» [12]. В мирное время «советский народ становится лучше и благороднее под солнцем Конституции» [13]. Таким образом, данное значение обладает метафорическим характером и занимает высокий статус в дискурсе.

Дискурс-анализ выпусков газеты «Красное знамя»

Важной частью нашего анализа является создание периодизации советского идеологического дискурса. Выбранный нами для изучения промежуток времени можно разделить на три периода. Для первого (1936–1939 гг.) характерна индустриальная мобилизация с доминированием рабочей идентичности. Второй период (1940–1945 гг.) – военный, с преобладанием риторики о народе и этничности. Третий период (1945–1952 гг.) характеризуется правовой формализацией Конституции, сопровождающейся доминированием нарратива о противостоянии с капиталистическими державами.

В первый период (1936–1939 гг.) в газетных материалах доминирующее место занимают идентичности, связанные с определенным местом в производственных отношениях. «Трудящиеся» предстают основной категорией общества. Группа позиционируется как целостная, несмотря на территориальную разницу (от Москвы до Владивостока, от Ташкента до Ленинграда). Введение данной категории является попыткой унифицировать этническое, культурное, языковое и любое другое разнообразие для мобилизации и достижения стратегических целей индустриализации советского государства. Конституция служит гарантом успешного трудового процесса. Каждое предприятие, как совокупность трудящихся, встречает День Конституции успехами в выработке плана [10]. Все новости в этот день посвящены продуктивной работе на производстве. Для категории «выдающиеся рабочие» (наиболее выразительные представители – стахановцы) Конституция декларируется как счастье и основа жизни [11]. Таким образом, для трудящихся Конституция фигурирует преимущественно в правовом значении, в то время как для выдающихся рабочих – в символическом.

Мы можем также выделить набор второстепенных (по сравнению с рабочими) идентич-

ностей. Так, представленная инженерами интеллигенция благодаря правам, установленным Конституцией, увеличивается для создания передовой советской промышленности [11]. Гендерная идентичность выражена через категорию «женщины». Посредством Конституции советская власть открыла женщинам путь к образованию, а для матерей Конституция послужила «гарантом обеспечения жизни детей» [10]. Правовая идентичность материализуется через категорию «гражданин СССР», который наделен многообразием прав. Партия упоминается единожды – как организация, которая «взлелеяла» Конституцию [10], из чего следует, что представительство делегировано главным образом Сталину и в меньшей степени – партии.

Следующая группа идентичностей связана с этническим разнообразием. Категория «советский народ» – наиболее значительная в данной группе. В дискурсе постулируется, что власть принадлежит народу, и именно он назвал Конституцию «сталинской». «Народ русский» прошел через освобождение от «завесы мрака и невежества» с помощью Конституции [11]. В данном случае мы видим, что этническое позиционируется как отстающее, в то время как советский народ наделяется характеристиками передового. То же самое мы наблюдаем при упоминании представителей коренных народов. Так, отдельный сюжет в газете воспроизводит интервью с представителем тазов о празднике. В данном разделе газеты коренные народы представлены с ориенталистской точки зрения – как отсталые и не знающие спряжений русского языка люди (например, «тазы хорошие люди, надо чтобы таза были богатые» [9]). Конституция для них является чем-то, что «таз даже во сне не видал» [9].

В рамках первого периода наибольшую ценность для советского дискурса представляют «трудящиеся», носители наиболее прогрессивной идентичности. Процесс советского строительства нации включает в себя апроприацию советским дискурсом дореволюционного представления о народах, разнообразие которых затмевается понятием «советский народ». Остальные группы обладают второстепенным значением, их упоминание маркирует следующие задачи государственного управления: выработка региональной идентичности через сюжеты о трудовых достижениях в Приморском крае и на Дальнем Востоке в целом; постановка

гендерного вопроса и создание женских «трудовых ресурсов»; выработка правового сознания у населения за счет внедрения категории «гражданин СССР». Таким образом, создаются и закрепляются нужные для дискурса идентичности. Конституция предстает «зеркалом», в котором отражаются официальные представления о различных идентичностях.

Анализ этого набора идентичностей позволяет выявить несколько точек напряжения. Во-первых, противостояние обычного рабочего и выдающегося. Для всех трудящихся Конституция играет роль основы жизни, однако для выдающихся она дополнительно является источником внутренней энергии и мотивации. Как пишет С.Н. Ушакова, образ стахановца, т.е. выдающегося рабочего, был частью системы формирования новых ценностей советского общества, которые на тот момент не были артикулированы в должной степени [23, с. 184]. Во-вторых, можно выявить определенный конфликт между категориями «русский народ» и «советский народ». «Русский народ» наделяется негативными архаичными характеристиками в противовес «советскому народу», который выступает передовым. В-третьих, проблематичной предстает ориентализированная презентация коренных народов, которые оказываются как бы за пределами категории «советский народ». В-четвертых, можно увидеть скрытый конфликт между идентичностями рабочего и крестьянина. Несомненно, для этого времени важной категорией населения остается крестьянство, которое, однако, не упоминается отдельно в связи с тяжелым и насильственным процессом коллективизации. С помощью категории «трудящиеся» дискурс объединяет «забывших» крестьян и «нужных» рабочих. Индустриальная мобилизация требует огромных усилий со стороны идеологического аппарата в части выработки нужных идентичностей – реализацию этих усилий мы можем наблюдать на страницах газеты «Красное знамя», рассчитанной на властные структуры и читающих рабочих.

В рамках второго периода (1940–1945 гг.) актуализируется военизированная мобилизация советского государства в условиях советско-финской и Второй мировой войны. Происходит постепенное внедрение национально-освободительных сюжетов в дискурс. В тяжелый для советской государственности период поражений эта тенденция усиливает-

ся. Среди различных групп идентичностей на первый план выходит национальная. Основной унифицирующей категорией остается «советский народ», который характеризуется «многонациональностью» и борется с врагом «под знаменем Сталинской Конституции» [12]. При этом ведущая роль в этой борьбе принадлежит русскому народу. В дискурсе на время закрепляется дореволюционная идея доминирования великороссов в многонациональном государстве [2, с. 158–159].

Идентичности, связанные с положением в производственных отношениях, упоминаются в этот период по сравнению с предыдущим гораздо реже, обладая иным, вспомогательным, статусом. Категория крестьянства встает на один уровень с рабочими. Крестьянство представляется как важная трудовая прослойка, необходимая для ведения успешных боевых действий. Интеллигенция упоминается лишь однажды, по-прежнему оставаясь второстепенным элементом конструирования идентичностей на фоне рабочих и крестьян. Конституция в дискурсе этого периода налагает на трудящихся обязанности соблюдения трудовой дисциплины и бережного отношения к общественной собственности [12]. В целом дискурс эпохи военной мобилизации в наибольшей степени тяготеет к презентации целостности и единства, воплощенных в категории «народ». Несмотря на частое использование образа врага в этот период [5, с. 27], в артикуляции значения Конституции он не используется.

Третий период (1945–1952 гг.) можно охарактеризовать как этап послевоенного восстановления в условиях биполярной геополитической ситуации. Следует отметить периодическое упоминание о Конституции как официальном документе, она все реже фигурирует в символическом значении. В это время происходит формализация как статуса Конституции, так и самого праздника в ее честь. В мирный восстановительный период актуализируются задачи укрепления массового правового сознания. Благодаря доминированию нормативно-правового значения Конституции на первый план среди идентичностей выходит категория «гражданин СССР». Использование данной категории, как правило, сопровождается сюжетами о выборах, суде и иных видах активного участия граждан в общественной жизни. Важное место в советском дискурсе этого периода занимают депутаты и их участие в политическом процессе.

Им, как наиболее успешным и важным членам общества, посвящено множество сюжетов.

Одним из ключевых факторов укрепления единства в послевоенном дискурсе служит яркий образ внешнего врага в лице капиталистических государств. После 1945 г. актуализируется нарратив о противостоянии с капиталистическими странами. Конституция, защищая в первую очередь права советских людей, расширяет свою зону действия до масштабов всего мира. Так, в номере от 5 декабря 1949 г. говорится, что она «сияет над миром», в результате чего «сотни миллионов рабочих и крестьян, мужчин и женщин, рабов и полурабов в странах капитализма» получают возможность увидеть «ужас своего положения» [14]. Следовательно, являясь достижением советского государства, Конституция трактуется как общемировая демократическая и правовая ценность. В рамках идеологической войны «Конституция вдохновляет весь мир против сил реакции и мракобесия» [15]. Празднование Дня Конституции СССР освещают в Китае, Болгарии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, ГДР и т.д. [15].

В отличие от первого периода, в котором категория «рабочие» представлена максимально унифицировано, в данный период происходит диверсификация рабочих по отраслям. Ежегодно в номерах газеты, приуроченных к празднику, упоминается множество предприятий, которые «отметили День Конституции увеличенной выработкой» [15]. В производстве участвуют «предприятия» и «комбинаты» как групповые идентичности. Авторы «Красного знамени» по-особенному выделяют «шахтеров» и «горняков» [15; 16]. Учитывая территориальный контекст, упоминаются сюжеты о «рыбниках» и «перевозчиках» в Дальневосточном пароходстве, используются объединяющие формулировки «команда», «бригада», «коллектив» [15; 16]. В сфере сельского хозяйства работают «колхозники», «участники совхозов» и «механизаторы» [15; 16]. Сельскохозяйственные работники представлены лишь как участники коллективов. Категория «научных работников» занимает привилегированное положение, они «вооружены теорией марксизма-ленинизма» и участвуют в воспроизводстве технической базы [14].

Идентичности, маркируемые понятиями «советский народ» и «братство великих народов» (русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне

и др.) [14], присутствуют на страницах газеты лишь при упоминании победы в Великой Отечественной войне. Несколько раз упоминается идеологема «советские люди», качества которых «расцветают под солнцем Конституции» [13]. Особое внимание уделено малым народам, которые в довоенный период характеризовались как архаичные: с 1945 г. гольды, удэгейцы, тазы, нанайцы упоминаются как «полноправные и готовые к трудовой жизни» [14]. В материалах газеты также фигурируют возрастные группы, которые получают блага благодаря Конституции: «дети» и «пионеры» обладают правом на образование, «пенсионеры» – правом на отдых и обеспечение в старости [14].

После смерти И.В. Сталина происходит десакрализация образа вождя. Так, в выпуске газеты от 5 декабря 1954 г. вместо традиционного изображения лидера появляется фотография Кремля [17]. Партия становится основным источником власти. В номере за 1956 г. Конституции посвящено лишь два сюжета, связанных с выборами и достижениями советского государства [18].

Заключение

Таким образом, через различные значения Конституции советская идеология конструировала в дискурсивном поле важные для власти идентичности людей. Советский дискурс успешно адаптировался к различного рода вызовам, а в кажущейся постоянной структуре идеологии происходили постоянные изменения тактического характера. В периоды общественной мобилизации количество позиционируемых идентичностей сокращалось для унификации и сплочения общества – так произошло во время индустриализации и Великой Отечественной войны. Периоды, требующие комплексного развития общества, напротив, сопровождались расширением перечня позиционируемых идентичностей при сохранении доминирующих. Несмотря на постоянное изменение статуса Конституции и приписываемых ей значений, прослеживается общая тенденция, которая заключалась в постепенной десакрализации данного документа и посвященного ему праздника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Laclau, E. and Mouffe, C., 2001. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso.

2. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект, 2009.

3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009.

4. Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975.

5. Гридина И.Н. Советский дискурс накануне и во время Второй мировой войны // Приволжский научный вестник. 2011. № 3. С. 25–30.

6. Гурин К.Е. Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф // XVII Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (20–21 марта 2014 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 185–192.

7. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Ж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

8. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009.

9. Красное знамя. 1936. 5 декабря.

10. Красное знамя. 1938. 5 декабря.

11. Красное знамя. 1939. 5 декабря.

12. Красное знамя. 1943. 5 декабря.

13. Красное знамя. 1947. 5 декабря.

14. Красное знамя. 1949. 5 декабря.

15. Красное знамя. 1950. 5 декабря.

16. Красное знамя. 1951. 5 декабря.

17. Красное знамя. 1954. 5 декабря.

18. Красное знамя. 1956. 5 декабря.

19. Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 54–68.

20. Матвеев И.А. Политико-дискурсивный анализ Эрнесто Лаклау // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 69–74.

21. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013.

22. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

23. Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 2013.

24. Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012.

REFERENCES

1. Laclau, E. and Mouffe, C., 2001. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso.

2. Brandenberger, D.L., 2009. Natsional-bol'shevism. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.) [National bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956]. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

3. Budaev, E.V. and Chudinov, A.P., 2009. Lingvisticheskaya sovetologiya [Linguistic sovietology]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU. (in Russ.)

4. Genkin, D.M., 1975. Massovye prazdniki [Mass holidays]. Moskva: Prosveshchenie. (in Russ.)

5. Gridina, I.N., 2011. Sovetskii diskurs nakanune i vo vremya Vtoroi mirovoi voiny [Soviet discourse before and during World War II], Privolzhskii nauchnyi vestnik, no. 3, pp. 25–30. (in Russ.)

6. Gurin, K.E., 2014. Analiz diskursov kak sposob izucheniya sotsial'nykh struktur, identichnostei i protsessov v teorii Ernesto Laklo i Shantal' Muff [Discourse analysis as a method for studying structures, identities and processes in the theory of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe]. In: XVII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya» (20–21 marta 2014 g., g. Ekaterinburg). Ekaterinburg: UrFU, 2014, pp. 185–192. (in Russ.)

7. Jorgensen, M.V. and Phillips, L.J., 2002. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis as theory and method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr. (in Russ.)

8. Keep, J. and Litvin, A., 2009. Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya [Stalinism. Russian and Western views at the turn of the millennium]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

9. Krasnoe znamya, 1936, December 5. (in Russ.)

10. Krasnoe znamya, 1938, December 5. (in Russ.)

11. Krasnoe znamya, 1939, December 5. (in Russ.)

12. Krasnoe znamya, 1943, December 5. (in Russ.)

13. Krasnoe znamya, 1947, December 5. (in Russ.)

14. Krasnoe znamya, 1949, December 5. (in Russ.)

15. Krasnoe znamya, 1950, December 5. (in Russ.)
16. Krasnoe znamya, 1951, December 5. (in Russ.)
17. Krasnoe znamya, 1954, December 5. (in Russ.)
18. Krasnoe znamya, 1956, December 5. (in Russ.)
19. Laclau, E., 2009. Populizm [Populism], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, no. 3, pp. 54–68. (in Russ.)
20. Matveev, I.A., 2009. Politiko-diskursivnyi analiz Ernesto Laclau [Ernesto Laclau's political discourse-analysis], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, no. 3, pp. 69–74. (in Russ.)
21. Musikhin, G.I., 2013. Ocherki teorii ideologii [Essays on the theory of ideologies]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
22. Rolf, M., 2009. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet mass festivals]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
23. Ushakova, S.N., 2013. Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funktsionirovaniya stalinskogo rezhima: novye podkhody i istochniki [Ideological and propaganda campaigns in the functioning of the Stalinist regime: new approaches and sources]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
24. Shapovalov, S.N., 2012. Genezis sovetskikh gosudarstvennykh prazdnikov na Kubani v 1918–1930-e gg. [The genesis of Soviet public holidays in the Kuban, 1918 – the 1930s]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t. (in Russ.)

